Иван Васильевич РАЗУМОВ родился 4 января 1972 г. в поселке Павлова Егорьевского района Московской области.

В 1997 г. окончил юридический факультет Калининградского государственного университета.

В 1994–1996 гг. служил в органах внутренних дел.

В 1996–2003 гг. — консультант, заместитель начальника государственно-правового управления Калининградской областной думы.

В 2003–2006 гг. — помощник судьи Высшего Арбитражного Суда РФ;

в 2006–2010 гг. — судья Девятого арбитражного апелляционного суда;

в 2010–2014 гг. — судья, председатель судебного состава Высшего Арбитражного Суда РФ.

С 6 августа 2014 г. — судья судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

Имеет высший квалификационный класс судьи.

Введение системы ранжирования и утверждение управляющего с учетом набранных им и его организацией баллов будут стимулировать СРО самостоятельно контролировать своих членов без внешнего воздействия

Иван Васильевич РАЗУМОВ,
судья судебного состава Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ

— Иван Васильевич, прежде всего хотелось бы узнать: сумело ли российское банкротное право в том виде, в каком оно существует сейчас, пройти кризисный тест в условиях пандемии коронавируса? Были ли решения, принимаемые законодателем в этот период, эффективны?

— Как мне представляется, в сложившихся обстоятельствах органы власти достаточно оперативно разработали и закрепили правила применения моратория на возбуждение дел о банкротстве. Эти правила не только урегулировали сами условия, приостанавливающие возможность инициирования процедур банкротства, но и ввели дополнительные меры поддержки, такие как запрет на обращение взыскания на заложенное имущество, приостановление исполнительного производства по имущественным взысканиям, отказ от начисления финансовых санкций. При определении круга лиц, подпадающих под действие моратория, было принято, на мой взгляд, правильное в сложившихся обстоятельствах решение о предоставлении «спасающего зонтика» всем, кто ведет деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших от распространения новой коронавирусной инфекции. Такое решение позволило исключить дополнительные барьеры и упростить применение моратория: он действовал независимо от того, обладал субъект предпринимательской деятельности признаками неплатежеспособности, недостаточности имущества либо нет, для моратория не важны были ни период формирования задолженности, ни причины, по которым она образовалась, ни связи задолженности с основанием введения моратория. В то же время законодатель предусмотрел, что мораторий — это не только преимущества, но и определенные ограничения, например запрет на выплату дивидендов, распределение прибыли. В связи с этим органы власти указали на право организации отказаться от применения к ней моратория.

Нельзя не отметить, что мораторий вызвал необходимость выработки новых подходов к рассмотрению судами тех вопросов, которые казались нам уже достаточно проработанными, в частности возникающих при оспаривании сделок, субординации требований контролирующих лиц. В Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“» были включены важные разъяснения о том, что судам при разрешении споров следует учитывать как цели введения моратория, так и особенности осуществления экономической деятельности в период его действия. Это, в свою очередь, позволило применить к сделкам должника, в отношении которого действовал мораторий, презумпцию их совершения в рамках обычной хозяйственной деятельности, не понижать очередность удовлетворения требования о возврате финансирования, предоставленного должнику контролирующим его лицом в период действия моратория.

Таким образом, я бы отметил, что предложенный механизм моратория — исключительного (нетипичного) вмешательства в сложившийся режим осуществления предпринимательской деятельности, — а также определенные законодателем пределы такого вмешательства дали участникам гражданского оборота дополнительное время

для более или менее спокойной подстройки бизнес-процессов под изменившиеся обстоятельства, что немаловажно.

— Право на обращение с заявлением о признании должника банкротом возникает у кредитора после вступления в законную силу решения суда о взыскании денежных средств. На Ваш взгляд, насколько удачно данное законодательное решение? Не открывает ли оно простор для злоупотреблений недобросовестному должнику, который, используя различные процессуальные механизмы, может попытаться затянуть процесс принятия судебного акта и скрыть свои ликвидные активы?

— У описанной Вами проблемы есть и другая сторона, о которой тоже не стоит забывать. Возбуждение в отношении должника дела о банкротстве, безусловно, влечет за собой репутационные потери, контрагенты не хотят вступать в договорные отношения с подобной организацией. Более того, в ряде кредитных договоров мы без труда найдем ставшее уже стандартным условие о том, что банк вправе досрочно истребовать суммы займа и процентов в случае возбуждения дела о несостоятельности. Поэтому я затрудняюсь однозначно судить о необходимости изменения существующего регулирования.

Правило о том, что дело о банкротстве может быть инициировано кредитором только на основании подтвержденной судебным решением задолженности (за рядом исключений), действительно позволяет недобросовестным лицам выиграть время с тем, чтобы вывести активы. Однако в качестве противовеса действующее законодательство устанавливает ответственность бенефициара за совершение такого рода сделок, а также за неподачу заявления о банкротстве подконтрольной организации. При этом нельзя исключать и недобросовестность самого кредитора, особенно если он является конкурентом должника. Такому кредитору достаточно отправить необоснованное заявление о банкротстве, запустив механизм досрочного истребования долга по кредиту, чтобы обрушить все бизнес-проекты конкурента.

Отказ от сложившегося подхода, на мой взгляд, требует серьезного анализа и проработки.

— Считаете ли Вы правильной идею исключить проведение торгов посредством публичного предложения из Закона о банкротстве[1]?

— Как мне представляется, проблема публичных торгов кроется не в самой этой процедуре, а в отношениях, предшествующих возбуждению дела о банкротстве, тех экономических реалиях, в которых мы существуем. Давайте мысленно прокрутим диафильм из нескольких слайдов. Сначала обратимся к первому слайду: офис кредитной организации, в которую пришел бенефициар компании для получения кредита. Он понимает, что надо предоставить обеспечение, например передать в залог недвижимость подконтрольной организации. Интерес бенефициара заключается в том, чтобы презентовать банку заложенное имущество как дорогой высоколиквидный актив, доказать низкорисковый характер кредитования. Данные установки повышают вероятность завышения заемщиком цены заложенной вещи, создают предпосылки для его

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

неформального общения с оценщиком на предмет того, чтобы признать аналогами объекты с лучшими характеристиками. Допустим, ему удалось убедить банк в том, что завышенная оценка соответствует рыночной цене. Кредит выдан. Теперь второй слайд: бизнес-проект оказался неудачным, заемщик впал в банкротство. Возникла необходимость определить начальную цену продажи заложенного имущества. Однако ранее уже были сформированы документы, характеризующие объект, — отчет оценщика, подготовленный на стадии выдачи кредита; договор об ипотеке, в который включены положения о цене заложенного объекта. То есть заемщик сам создал риск того, что начальная цена продажи будет завышена. И наконец, третий слайд: продажа заложенной вещи, цена которой изначально была неоправданно увеличена по сравнению с действительной стоимостью. Такая вещь точно не будет продана на первых и вторых торгах, которые идут на повышение. Значит, единственный реальный вариант ее реализации — это публичное предложение. Данный этап, как правило, характеризуется резким падением цены на каждом шаге, причем в относительно короткий промежуток времени. В результате высокая нерыночная стоимость стремительно превращается в низкую нерыночную. Неэффективным стал весь механизм продажи, суть которого, по замыслу законодателя, должна сводиться к определению цены путем ее повышения и последующей реализации на публичных торгах лишь небольшой части имущества должника, на которое по объективным причинам не нашлись потенциальные покупатели.

Поскольку такая ситуация не является редкой, мне представляется, что назрела необходимость комплексного реформирования правил проведения торгов в процедурах несостоятельности, в том числе такого этапа, как публичное предложение.

— Требуется ли, по Вашему мнению, нормативно закрепить правила о субординации требований в случае, когда субординация производится на основании имеющейся практики Верховного Суда? Сформирована ли в российском праве единообразная практика применения субординации?

— Если говорить об Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц[2], то основная его часть построена на концепции распределения рисков.

Так, действующая редакция Закона о банкротстве устанавливает достаточно жесткий стандарт поведения контролирующего лица: в частности, такое лицо обязано обратиться в суд с заявлением о банкротстве подконтрольной организации при малейшей проблеме на предприятии. Например, если появился признак неплатежеспособности, т.е. недостаточности денежных средств для расчетов с кредиторами, должник обязан обратиться в суд — несмотря на то, что объем активов в целом позволяет ему рассчитаться по всем долгам и нужно лишь какое-то время для того, чтобы, скажем, продать непрофильный актив. Между тем подача заявления о банкротстве означает публичное информирование участников гражданского оборота об имущественном кризисе в организации. Если же контролирующее лицо данную обязанность не исполняет, избирает модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, — скажем, пытается вернуть контролируемое юридическое лицо к нормальной предпринимательской

[2] Утвержден Президиумом ВС РФ 29.01.2020.

ской деятельности посредством предоставления ей компенсационного финансирования, в том числе с использованием конструкции договора займа, — оно принимает на себя все связанные с этим риски, включая риск утраты упомянутого финансирования на случай объективного банкротства. Поскольку эти риски не могут перекладываться на независимых кредиторов, требования последних удовлетворяются приоритетно по отношению к требованию о возврате компенсационного финансирования.

В Обзоре раскрываются способы предоставления компенсационного финансирования, освещаются отдельные процессуальные вопросы доказывания факта контроля и характера финансирования.

Ряд примеров Обзора не касаются собственно субординации и направлены на противодействие предъявлению необоснованных (мнимых, фактически исполненных) требований.

Таким образом, Обзор лишь истолковал последствия неисполнения обязанности по направлению в суд заявления должника о собственном банкротстве.

Вопрос о субординации в других случаях не может быть решен на уровне судебной власти, это дело законодателя. Выбрать ту или иную модель удовлетворения требований контролирующих или аффилированных лиц и инициировать соответствующие поправки должен прежде всего экономический блок Правительства, проанализировав плюсы и минусы избранной им модели. Для этого сначала надо выяснить, к чему приводят большинство попыток спасения через финансирование бенефициара — к успеху или провалу, нуждается ли экономика в таком финансировании, т.е. что оказывает большее влияние на развитие страны — издержки, связанные с включением аффилированных кредиторов в реестр и их намерением вывести активы должника, или положительный эффект от тех случаев, когда предприятиям все же удалось благодаря такой помощи преодолеть кризис? Я такого рода экономическими выкладками не располагаю, поэтому мне сложно рассуждать о необходимости ужесточения правил субординации. В рамках же правовых подходов, закрепленных в Обзоре, судебная практика формируется в целом единообразно.

— Как Вы относитесь к предложению рейтинговать арбитражных управляющих и ввести балльную систему для целей утверждения их кандидатур?

— Мои взгляды по данному вопросу не изменились. Настало время перейти от простого использования красивого слова «саморегулирование» к реальному воплощению основополагающих идей этого института, суть которых заключается в самостоятельном, без воздействия со стороны государства, обеспечении сообществом арбитражных управляющих необходимого уровня профессионального представительства на рынке услуг по антикризисному управлению, персонификации наиболее авторитетных и компетентных управляющих — участников этого рынка. Сегодня суды, другие государственные органы рассматривают значительное число жалоб на действия арбитражных управляющих, заявлений об их отстранении от исполнения возложенных обязанностей, осуществляют контроль посредством привлечения к административной ответственности, дисквалификации управляющих и т.д. В чем же тогда проявляется саморегулирование? Представляется, что сам факт столь широкого участия государства свидетельствует о неэффективности сложившейся системы. Вмешательство го-

сударства должно быть минимальным, а основная часть проблем — решаться на уровне сообщества управляющих, в том числе путем принятия сообществом превентивных мер. Организации управляющих будут заинтересованы в профессиональном росте своих членов, избавлении от нечистых на руку управляющих, если деловой имидж как самой организации, так и конкретного ее члена будет учитываться при назначении управляющего в той или иной процедуре банкротства. В этом смысле мне нравятся предложения о ранжировании и арбитражных управляющих (путем выставления баллов, характеризующих их предыдущую деятельность: стаж, опыт работы с должниками с крупными активами, эффективность мероприятий по наполнению конкурсной массы, процент удовлетворенных требований, количество жалоб на действия управляющего и т.д.), и саморегулируемых организаций (их рейтинг тем выше, чем выше средний рейтинг всех входящих в них членов). Эти критерии являются примерными, их можно обсуждать. Но введение системы ранжирования и утверждение управляющего с учетом набранных им и его организацией баллов будут стимулировать СРО заниматься тем, чем они и должны заниматься, — самостоятельно контролировать своих членов без внешнего воздействия.

Необходимым элементом системы ранжирования является и оценка значимости должника. Выбор антикризисного менеджера следует проводить среди тех арбитражных управляющих, чей рейтинг позволяет работать с должником соответствующего уровня.

— Проблема банкротства группы лиц в отечественном законодательстве и доктрине пока проработана довольно слабо. Тем не менее периодически этот вопрос обсуждается в юридическом сообществе. Каково Ваше мнение по поводу данной проблемы и перспектив ее решения?

— К сожалению, вынужден согласиться с Вами относительно слабой проработки концепции банкротства группы лиц и одновременно признать, что готовых рецептов решения этой проблемы у меня нет. Сначала нам надо определиться: что значит объединить в одно производство дела о банкротстве разных юридических лиц? Означает ли это консолидацию в материальном и процессуальном смысле или речь идет только о процессуальных аспектах? На мой взгляд, безусловной, тотальной консолидации препятствуют базовые нормы, которые характеризуют юридическое лицо как субъект с обособленным имуществом, самостоятельно отвечающий по обязательствам, а также предоставляют участникам корпораций, учредителям унитарных организаций, иным лицам, входящим в состав органов юридического лица, широкую свободу усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений.

Если бизнес формально раздроблен на несколько организаций, но выглядит единым с точки зрения контрагентов (т.е. последние уверены в том, что вступают в отношения с одним, а не разными субъектами предпринимательской деятельности), то я не вижу причин, которые бы не позволили поместить все активы таких организаций в одну конкурсную массу, составить общий реестр требований кредиторов. По моему мнению, в описанной ситуации бенефициары вводят участников оборота в заблуждение, злоупотребляют конструкцией юридического лица, используя ее не в соответствии с ее предназначением. Особенно яркими злоупотреблениями будут свободное перемещение активов между членами группы, создание за счет подобных перетоков «центра прибыли» из одного юридического лица и «центра убытков» из другого. В таком

случае материальная консолидация устранит последствия злоупотребления, создав реальный механизм защиты прав кредиторов, а процессуальная консолидация снизит издержки, связанные с ведением дела о несостоятельности, в том числе судебные.

Теперь рассмотрим иной пример: две организации, контролируемые одним и тем же бенефициаром, действуют на разных товарных рынках (одна занимается производством сельскохозяйственной продукции, вторая — строительством). Обе признаны банкротами. Допустим, что их бенефициар в целом не рассматривал подконтрольные организации как свой «собственный кошелек» и не перемешивал их активы ни между собой, ни со своими личными активами. В такой ситуации я бы счел сомнительным проведение материальной консолидации и не нашел бы оснований для изъятия активов строительной компании для проведения расчетов с кредиторами сельхозпроизводителя. Представляется, что в итоге процент удовлетворения требований кредиторов разных организаций будет различаться. В анализируемом примере неоднозначна и процессуальная консолидация. Так, рассматриваемые нами компании могут быть связаны не только общим бенефициаром, но и обычными договорными отношениями. Если поставить одного управляющего в обе компании, он одновременно будет выступать представителем истца и ответчика по иску о взыскании одной компанией задолженности с другой, при оспаривании сделок с предпочтением и т.д., что свидетельствует о конфликте интересов. В то же время при наличии общего управляющего не будут оспариваться те сделки, которые при взгляде со стороны отдельного должника являются подозрительными, а при рассмотрении совокупности отношений внутри группы — нет; упростится учет требований, по которым члены группы являются солидарными должниками.

Мне кажется, что институт банкротства группы лиц требует разработки специального закона, который установит условия, допускающие банкротство группы как одного субъекта, включая правила ведения единого реестра требований кредиторов, объединения активов и т.п., определит параметры, при наличии которых производится лишь процессуальная консолидация, а также установит, что никакая консолидация не проводится при невозможности учета интересов всех кредиторов в рамках одного дела о банкротстве. Это очень сложная работа.